

Статуя из бронзы была водружена на столб, а не на низкий постамент, т. е. находилась на некоторой, хоть и не очень значительной, высоте. Это следует, в частности, и из того, что внимание зрителя сосредоточивалось на груди птицы и под крылом, куда змея направляла жало. Если же статуя стояла бы на невысоком постаменте в уровень со зрителем, т. е. так, как, например, помещают солнечные часы, внимание сосредоточивалось бы на спине и на верхней поверхности крыльев; а чтобы видеть грудь и тянущуюся к ней голову змеи, нужно было бы нагнуться. Кроме того, поскольку основным в группе была неудавшаяся попытка гада ужалить орла под крыло, ясно, что статуя была рассчитана главным образом на то, чтобы ее рассматривали спереди, впрямь, а не сзади, не со спины.

Между тем Никита Хониат заканчивает описание статуи такими знаменательными словами: „Не только тем, о чем узнали из изложенного, достойно удивления изображение орла, но и тем, что часовые отрезки дня, посредством надарпаных на крыльях двенадцати линий, становятся совершенно ясными тем, кто обращал взоры с пониманием их, когда солнце не скрывало под облаками свои лучи“.

Выше установлено, что нескребовская статуэтка не могла быть солнечными часами. Но вообще-то на скульптурном изображении птицы можно так поднять крылья и придать им такое положение, что они образуют форму, подобную чаше солнечных часов. Но у константинопольского орла крылья были только растопырены, как у нескребовского. К тому же статуя стояла выше, чем обычно ставятся солнечные часы, и вообще была рассчитана на то, чтобы ее можно было рассматривать преимущественно спереди. Поэтому напрашивается вывод, что признание в статуе солнечных часов было лишь попыткой как-то осмыслить изображение, подлинный смысл которого и цели постановки на обширнейшей площади были уже забыты. Нельзя ли допустить, что косвенный повод к этому давали какие-то специальные знаки на спине орла, подобные 12 накладкам нескребовской статуэтки, или сохранившиеся от них следы? Читая заключительные строки рассказа Никиты, нужно помнить, что солнечные часы на общественной площади были обычны, и Хониат не мог, конечно, не уметь ими пользоваться. Поэтому ему едва ли пришлось бы подчеркивать необходимость особого „понимания их“, если бы сам он принимал статую за часы, если бы она была действительно часами³⁷.

Константинопольская группа, стоявшая до 1204 г. на ипподроме, была, подобно нескребовской, явно не современной Никите Хониату. Подлинная причина и цели ее постановки на столичной площади были утрачены, вероятно, за давностью времени. Она стала особенно непонятна, видимо, своей реалистичностью, отсутствием в ней обычной для времени Никиты геральдической выразительности и декоративной условности. Она нуждалась в осмыслении и поэтому обрастала легендами. Они и оставили свой след в приведенном выше описании. Возможно, что и литературные сказания о волшебстве Аполлония Тианского, слитые с народными сказами о змеях, были привязаны к константинопольской группе как раз потому, что она воспринималась как древняя.

На основании таких данных и соображений можно допустить следующую.

³⁷ Ср. Ф. И. Успенский. История византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 407.